

ДЕЛА И ЛЮДИ РОССИЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ НА ВОСТОКЕ

ПО СТРАНИЦАМ МЕМУАРОВ ДМИТРИЯ АБРИКОСОВА

М.Ю. СОРОКИНА
Кандидат исторических наук

Исторические события нередко имеют последствия, которые совсем не прогнозировались их вершителями. Парадоксально, но благодаря революционным событиям Октября 1917 г. и последовавшим за ними рассеянием наших соотечественников по всему миру, россияне обрели интереснейший корпус воспоминаний - своего рода всемирную эмигрантскую библиотеку. Большая часть воспоминаний была написана и опубликована в эмиграции в первой половине XX в., другая часть попала в архивы русской эмиграции за рубежом, иные после Второй мировой войны оказались в советских архивах (в составе коллекций пражского Русского заграничного исторического архива) и стали доступны лишь в последние десятилетия. В то же время многие воспоминания и поныне хранятся в семьях - так, в 2006 г. издательством «Русский путь» опубликованы записки С.В.Чиркина «Двадцать лет службы на Востоке», извлеченные из домашнего архива его сыном, а в 2007 г. в историческом альманахе «Дiaspora» увидели свет воспоминания сына последнего генерального консула Российской Империи в Мукдене (ныне Шэньян, Китай) С.А.Колоколова, пришедшие из его семьи, живущей ныне в Казахстане. Конечно, отпечаток «беженства», политического изгнания, горечи крушения карьеры и идеалов лежит на многих эмигрантских воспоминаниях.

В этом ряду заметно выделяются мемуары последнего царского посланника в Японии Дмитрия Ивановича Абрикосова (1876-1951), посвятившего страницы своей книги описанию напряженной внутренней жизни российских посольств и миссий в Великобритании, Китае и Японии.

Впервые под названием «Revelations of a Russian Diplomat» мемуары были опубликованы на английском языке в 1964 г. издательством Вашингтонского университета. В России честь публичного открытия имени Дмитрия Абрикосова принадлежит японисту П.Э.Подалко, а совсем недавно, в 2008 г., по инициативе и в переводе внучатой племянницы Д.И.Абрикосова, Натальи Юрьевны Абрикосовой, издательство «Русский путь» под названием «Судьба русского дипломата» впервые издало полный текст воспоминаний на русском языке*.

НЕСЛАДКАЯ ЖИЗНЬ

Фигура Дмитрия Абрикосова весьма необычна для российского дипломатического мира первой половины XX в. Он принадлежал к знаменитой московской предпринимательской династии, известной с конца XVIII в. и подарив-

шей России плеяду выдающихся имен во всех областях деятельности - от дореволюционного «кондитерского короля» Алексея Ивановича Абрикосова (1824-1904), его деда, до Нобелевского лауреата по физике 2007 г., академика Алексея Алексеевича Абрикосова, племянника Дмитрия Ивановича.

В отличие от многих, канувших в лету или полузабытых имен русского прошлого, фамилия Абрикосовых широко представлена на современной карте Москвы. Сегодня мы можем прогуляться по Абрикосовскому переулку, названному в честь старшего брата дипломата - действительного члена двух академий - медицинских наук и АН СССР Алексея Ивановича Абрикосова (1875-1955), человека, который больше всех знал о тайнах кремлевской жизни и смерти, будучи на протяжении всего советского периода ведущим патологоанатомом. Кто-то из москвичей может появиться на свет в родильном доме им. Агриппины Александровны Абрикосовой (1832-1901), бабушки Дмитрия Ивановича и одной из самых щедрых благотворительниц дореволюционной Москвы. Да и «Раковые шейки», и «Гусиные лапки», которые так любят наши дети, - брен-

ды, придуманные Абрикосовыми, а популярный шоколад «Бабаевский» - на самом деле - «Абрикосовский».

В дореволюционные годы дипломатическая служба была редкостью для лиц купеческого происхождения. По рождению Дмитрий Абрикосов принадлежал к представителям так называемой «крупной буржуазии», игравшей, как и другие известные предпринимательские династии - Морозовы, Третьяковы, Рябушинские, заметную роль в общественной и культурной жизни России. Продукция Абрикосовых - торты, пироги, пряники, печенье, бисквиты, шоколад, кофе, какао, мармелад и пастила, глазированные фрукты, варенье, конфеты - занимала почти половину кондитерского рынка России, до того принадлежавшего преимущественно европейским бизнесменам.

В 1899 г. «Товариществу Абрикосовых» было присвоено почетное звание «Поставщик Двора Его Императорского Величества». Тем не менее, элита российского общества, в которой продолжала доминировать родовая аристократия, не давала за-

* Фрагменты опубликованы автором ранее. См.: Дмитрий Абрикосов. Лондон: уроки «личной дипломатии» при дворе Эдуарда VII // Международная жизнь. 2007, № 3. С. 65-91; Дмитрий Абрикосов. Токио: посольство без государства // Там же, № 4. С. 100-132.

бывать «новым русским» об их «низком» происхождении. «Начиная свою дипломатическую карьеру и вращаясь в высшем свете, - писал Д.И.Абрикосов в мемуарах, - я очень стеснялся того, что моя фамилия ассоциируется с конфетами и карамелями, и предпочел бы иметь менее известную»*.

Наследный принц кондитерской империи Д.Абрикосов отказался продолжить фамильный бизнес и предпочел путь *self made man*'а (человек, который сделал себя сам). Окончив юридический факультет Московского университета в 1899 г. и проведя некоторое время на военной службе, он начал профессиональную карьеру в 1900 г. в Главном архиве Министерства иностранных дел. Только к 1904 г. ему удалось добиться места сотрудника в российском посольстве в Лондоне, где большую часть времени молодой Абрикосов занимался не «большой политикой», а разборкой и приведением в порядок дипломатических архивов. Эта скучная и монотонная по внешнему впечатлению работа сделала его хорошо осведомленным в том, что происходило «за сценой» внешней политики. В то же время Дмитрий прошел в Великобритании серьезную дипломатическую школу под руководством посла графа А.К.Бенкендорфа (1849-1916/17). «Граф, который хорошо знал европейскую историю, - отмечал Абрикосов, - указывал на то, что в дипломатии не существует «традиционных врагов или друзей». Непреложное правило состоит в том, что любая страна должна исходить только из собственных интересов, поскольку в дипломатии нет места альтруизму. Всякий раз, когда страна пыталась быть бескорыстной, как это часто бывало с Россией, ее одурачивали».

Граф Бенкендорф не только покровительствовал Абрикосову, но и невольно оказался «крестным отцом» его мемуаров. Уже в 1930-х гг. в Японии бывший кол-

Дмитрий Иванович Абрикосов. Санкт-Петербург. 1910 г.

лега Абрикосова по дипломатической службе Н.И.Бок уговаривал его написать о Бенкендорфе, которого при жизни, да и после кончины, постоянно упрекали в отсутствии «русского патриотизма» и пытались вычеркнуть из истории российской дипломатии. Собственно размышления Д.И.Абрикосова над судьбой его бывшего покровителя и послужили толчком к созданию масштабных мемуаров. «В изгнании, - признавался Дмитрий Иванович, - желание восстановить прошедшее постепенно росло, укрепляясь от осознания, что прежняя жизнь ушла безвозвратно, и необходимо оставить о ней письменное свидетельство тем, кто пришел нам на смену и самонадеянно считает, что только их образ жизни имеет право на существование».

МИССИЯ В ПЕКИНЕ

До «изгнания» Д.Абрикосову еще предстояло более 10 лет насыщенной людьми и странами, встречами и событиями дипломатической службы на Востоке. Благодаря протекции министра иностранных дел А.П.Извольского в 1908 г. он получил назначение на должность второго секре-

таря российской миссии в Китае, где проработал до 1912 г. Судьба нередко благоволила Дмитрию Ивановичу, выстраивая причудливую конфигурацию его передвижений. Вот и в Пекин он приехал в тот самый момент, когда в ночь с 15 (2) на 16 (3) ноября 1908 г. в своей резиденции в Запретном городе скончалась вдовствующая императрица Цыси. «Я прибыл в Пекин в то время, - писал Абрикосов, - когда Китай вступал в наиболее критический период своей истории, и стал свидетелем захватывающей исторической драмы... Это был поворотный пункт от старого Китая с его вековыми традициями и порядками, к новому, с его громкими фразами о прогрессе и всеобщим хаосом, который продолжается уже почти сорок лет».

Четыре года, проведенные в Китае, подарили Абрикосову знакомство с совершенно новым и неожиданным миром как внутри самой российской миссии, так и за ее пределами. «Самым привлекательным в «азиатской» дипломатии я считал то, - писал он, - что личность и политика полномочного представителя играли здесь более важную роль, чем в Европе, а результаты его деятельности сказывались много быстрее. В Европе бесконечное число конференций, постановок вмешательств и инструкций всегда видоизменяют индивидуальный образ действия дипломата. Проходят годы, пока скажутся результаты, и в них уже почти невозможно узнать воплощение персональных идей кого-нибудь одного. В Пекине все обстояло совсем не так. Здесь вы сами были творцами политики. Никакие конференции не вмешивались, и уже по прошествии короткого срока можно было увидеть влияние этой политики на отношения между вашей страной и Китаем. Это было особенно справедливо в случае нашего посланника, с которым я работал в Китае».

В главах, посвященных жизни и деятельности российской миссии в Пекине, Абрикосов не уделяет много места высокой политике, хотя и затрагивает важнейшие вопросы двусторонних отношений, зато он великолепно передает атмосферу повседневной жизни русских за границей и пре-

* Здесь и далее цитаты приводятся по изданию: *Абрикосов Д.И. Судьба русского дипломата* / Пер. с англ. Н.Ю.Абрикосовой, Н.Ю.Дорман. Предисл., науч. ред. и коммент. М.Ю.Сорокиной. Вступ. ст. Д.Макдоналда. М.: Русский путь, 2008. 576 с.

красно воссоздает образы коллег-дипломатов. Одним из них был российский посланник в Китае И.Я.Коростовец (1862-1933), очень колоритная личность и выдающийся дипломат. «Посланник, - вспоминал Абрикосов, - был эксцентричный человек, большой циник, но блестящий политик. Он считал большинство людей либо глупцами, либо негодяями, и обожал выводить их из себя. Основная часть его карьеры была сделана в Китае, где он начинал работать еще вторым секретарем. [...] Посланник симпатизировал китайцам. Он обожал выводить людей из себя, но как ни старался, лишить китайцев их безмятежности ему не удавалось. Это приводило его в восхищение, и он считал их много умней всех наших чиновников, но никогда не упускал возможности попытаться их перехитрить, что походило на игру в шахматы, не имевшую конца». После большевистского переворота 1917 г. Коростовец, как и подавляющее большинство российских дипломатов, отверг предложение перейти на советскую службу и эмигрировал.

Совсем другой стиль руководства посольством демонстрировал сменивший его В.Н.Крупенский (1868-1945). «С прибытием нового посланника, - отмечал Абрикосов, - вся атмосфера в миссии изменилась. Сначала я скучал по блестящему остроумию его предшественника, но уже скоро оценил ровный стиль работы нового посланника. Он тоже имел опыт работы с китайцами, будучи первым секретарем в Пекине во время «боксерского» восстания. У него была прекрасная коллекция китайских предметов, среди которых красный лаковый трон из летнего дворца и вышитый потолок балдахина императора Цяньлуна. Пока он был посланником нашей миссии, все было великолепно, а наши приемы вызвали зависть в европейских столицах. Он был по-настоящему порядочный человек. Возможно, новый посланник не проявлял столь блестящей, часто неуместной инициативы, как его предшественник, но когда он получал инструкции из Министерства иностранных дел, то принимался за дело с такой энергией и рвением, что, как правило, достигал ре-

зультатов, несмотря на трудности».

Все же столпом российской миссии в Пекине Абрикосов справедливо считал переводчика Н.Ф.Колесова и отмечал вообще особое положение переводчиков в Китае. «Переводчиком, - вспоминал Абрикосов, - как правило, бывал человек, посвятивший всю свою жизнь изучению китайского языка, и в отличие от других членов миссии, которые приезжали на три-четыре года, обычно имел постоянную аккредитацию. Переводчик часто лучше понимал китайцев и больше симпатизировал им, чем посланнику. Каждый новый посланник оказывался в полной зависимости у переводчика, который мог легко, особенно, если ему не нравился начальник, поставить его в очень затруднительное положение... Знание китайского [Колесовым], как говорили сами китайцы, было прекрасным, но, проведя в Китае почти 30 лет, он приобрел отчасти китайский образ мыслей и любил затягивать переговоры, считая, что спешка только мешает достичь приемлемого результата. Часто, особенно если посланник бывал энергичным и хотел быстро получить желаемый результат, переводчик обнаруживал больше симпатий к китайцам, чем к своему начальнику».

Не только Колесов, но и сам Дмитрий Иванович полюбил Поднебесную, ее удивительную историю и неповторимую культуру. Он признавался, что, покидая Лондон, «не мог даже мечтать о таком счастье, которое подарила ему жизнь в Пекине». В отличие от Европы, уже в начале XX в. жившей в запрограммированном ритме, каждый день в Китае приносил новые впечатления; здесь молодой дипломат обрел множество друзей, еще не зараженных, по его словам, «бюрократическим самодовольством, которым отличались прежние коллеги».

Годы, проведенные на службе в Китае, длительные поездки по Монголии, пребывание в Японии, Сингапуре, Гонконге и на Цейлоне, многочисленные деловые и личные контакты с восточными партнерами и зарубежными дипломатами, создали Абрикосову устойчивую репутацию сильного специалиста по азиат-

ским странам. Первую мировую войну он встретил сотрудником Дальневосточного отдела МИД в Санкт-Петербурге. Его шефом и наставником был Г.А.Козаков (1869-1918 (?), один из тех дипломатов, которые реально творили российскую внешнюю политику, но чьи имена до сих пор остаются малоизвестными.

Козаков персонифицировал собой в МИДе ту новую генерацию российских дипломатов, чья служебная карьера была связана не столько с их социальным происхождением и связями, сколько с высоким профессионализмом и основанными на нем амбициями. Дмитрий Абрикосов, несомненно, ощущал близкое родство с этой генерацией в целом и Григорием Козаковым, в частности. По его словам, «[они] ... работали рука об руку, и было интересно видеть, как один человек, движимый идеей восстановления позиции России на Дальнем Востоке, сумел в такое короткое время заставить всех забыть бедствия Русско-японской войны. [Козаков] это делал не для того, чтобы прославиться. Лишь несколько людей знали, кто автор нашей успешной политики на Дальнем Востоке, и все лавры доставались министру иностранных дел. Когда я разговаривал с Козаковым об этом, он обычно отвечал, что будет вполне удовлетворен, если в будущем историк, изучающий нашу политику на Дальнем Востоке, обнаружит, что она была задумана и исполнена скромным сотрудником Министерства иностранных дел по фамилии Козаков».

Казалось, после десятилетия заграничной дипломатической службы и при поддержке высокопоставленных коллег Абрикосов мог претендовать на неплохую аппаратную карьеру в России. Однако Провидение в очередной раз распорядилось по-своему. Получивший назначение послом в Токио В.Н.Крупенский предложил Абрикосову в 1916 г. занять пост первого секретаря посольства в Японии. С неохотой уезжая по новому назначению, Дмитрий Иванович еще не знал, что навсегда покидает и свою семью, и Россию, но тем самым спасает себе жизнь. Он проведет в Японии почти всю оставшуюся жизнь, ровно 30 лет, до 1946 г.

ПОСОЛЬСТВО БЕЗ ПРАВИТЕЛЬСТВА, ДИПЛОМАТ БЕЗ ПОСОЛЬСТВА

Японская часть одиссеи Дмитрия Абрикосова - самая значительная не только по количеству прожитых в этой стране лет, но прежде всего по накалу исторических событий, активным и непосредственным участником которых он оказался. Отправляясь в Японию, Абрикосов рассматривал свою работу в посольстве как миссию по максимальному продвижению геополитических, экономических и культурных инте-

Дом Н.А.Абрикосова, в котором в детстве жил Д.И.Абрикосов. Москва. Фотография 2007 г.

Абрикосовы. Слева направо, сидят: Иван Иванович, Вера Николаевна, Анна Ивановна, Алексей Иванович, Сергей Николаевич, Борис Иванович, Вера Николаевна (урожд. Кандинская), Алексей Иванович, Павел Николаевич, Августа Николаевна; стоят: Дмитрий Иванович, Хрисанф Николаевич. Московская губерния, имение «Дубы», конец 1890-х гг.

ресов России и расширению ее влияния в дальневосточном регионе. Однако жизнь распорядилась совсем иначе. Если в Пекине Абрикосов оказался в момент заката Поднебесной империи, то в Токио ему пришлось работать в тот самый период, когда кроваво и трагически завершалась историческая судьба Российской империи, а с ней и многих ее подданных.

Все годы гражданской войны российское посольство в Токио энергично работало на поддержку Белого движения, в частности адмирала А.В.Колчака, а его первый секретарь Абрикосов даже

побывал в Сибири, собирая информацию о реальном положении и перспективах различных местных антибольшевистских правительств. Горький вывод, который сделал по результатам этой поездки Абрикосов, - «ни одна из тех организаций, с представителями которых я разговаривал, не имеет ни реальных сил, ни будущего», конечно, глубоко разочаровал, но не остановил попыток российских дипломатов помочь своему погибавшему отечеству и соотечественникам.

По мере неутешительного завершения гражданской войны фокус деятельности посольства все более смещался в сторону беженских проблем российских граждан, оказавшихся в Японии. В 1921 г. после отъезда посла Крупенского в Европу Дмитрий Абрикосов как старший по дипломатическому рангу стал временным поверенным в делах России в Японии и фактически принял на себя всю ответственность

за дела русских беженцев и русской диаспоры в Японии. Лишенный гражданства из-за отказа признать большевистский режим, потерявший официальный дипломатический статус, Абрикосов, тем не менее, продолжал представлять интересы русской эмиграции, будучи делегирован в эту новую для себя миссию как волей истории, так и собственными представлениями о чести, долге и достоинстве русского дипломата.

К середине 20-х гг. «русская» Япония насчитывала несколько тысяч российских беженцев, большинство из которых покинули Россию в результате гражданской войны. Они имели самые разные политические взгляды, социальное происхождение, образовательный уровень, но обладали способностью и умением в любых условиях найти адекватные варианты для выбора новой жизненной стратегии, нового пути. «После разговоров с ними, - писал Абрикосов, - я начал испытывать глубокое восхищение большинством из них». Между тем, русские, приехавшие в Японию после землетрясения 1923 г., весьма отличались от тех, кто оказался здесь в начале революции, бежав от большевистских ужасов. Первые беженцы были преимущественно людьми с положением, многое потерявшие в результате революции, и, попав в Японию, они продолжали

ли жить прошлым и мечтали о переезде в США или в Европу. Кантоское землетрясение* предоставило им возможность покинуть Японию. Те же русские, которые заняли их место, были большей частью бывшими крестьянами и рабочими, которых гражданская война в Сибири унесла из деревень или заводов. Они немного потеряли, променяв скромное существование дома на такое же за границей, и бессмысленные сожаления о прошлом не отравляли их существование. Прежде всего, они стремились найти заработок в новых условиях и демонстрировали при этом немалую смекалку, а языковой барьер преодолевался ими с той же изобретательностью, что и всякие другие.

Абрикосов и его собраты по эмигрантской жизни переживали те же лишения, что и сами японцы. Если голод, холод, болезни, налеты авиации определяли трудности бытовой стороны жизни, то подозрительность японской военной полиции и конфликты внутри различных микросообществ создавали тяжелый моральный климат. По свидетельству Абрикосова, «ожидание продуктов было ужасным испытанием. Иностранцы были поделены по национальности. Все были голодные, злые и обвиняли друг друга в том, что их пытались вытолкнуть из очереди. Особенно плохое настроение царило среди русских. Никогда не забуду, как одна русская женщина кричала на меня, обвиняя в том, что я пришел позже нее, однако занял место перед ней. К счастью, остальные встали на мою сторону и подтвердили, что видели меня на этом месте с самого начала, и после долгих криков, в которых приняла участие вся очередь, я смог остаться там, где стоял, и получить свои редиски. После этого я пришел к выводу, что легко вести себя по-джентльменски, если ты сыт, а вот сохранить хорошие манеры, если голоден, гораздо труднее».

Годы и маргинальность положения ничуть не притушили ин-

тереса Абрикосова к японским и международным политическим событиям. Атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки (август 1945) запечатлена в его мемуарах свидетельствами русских очевидцев трагедии, с которыми Абрикосов лично встречался. Комментируя суждения о «необходимости и полезности» американской бомбардировки для «дела мира», он категорически заключил, что «для мира и, возможно, для США, было бы в сто раз безопаснее, если бы атомная бомба никогда не была изобретена и сброшена на Хиросиму и Нагасаки». Не пропустил Абрикосов и токийских заседаний Международного военного трибунала для Дальнего Востока, начавшего работу в январе 1946 г., и отметил странность наказания чиновников, служивших правительству в военное время.

Осенью 1946 г. Абрикосов при содействии бывшего посла США в Японии Джозефа Грю покинул Страну восходящего солнца и отправился в США. Не последнюю роль в его отъезде сыграла активность советского посольства в Токио по возвращению бывших соотечественников в СССР. В мемуарах Абрикосов отмечает, что советская пропаганда имела большой успех среди русских в Японии. Бесконечно уставшие от войны и разлуки с родным языком и семьями, «многие, ненавидевшие раньше само слово «большевик», начали вдруг говорить, что времена изменились, что большевики не так ужасны, как о них рассказывают, что, в конце концов, они русские, и выказали настоящий патриотизм, защищая страну от немцев». Как известно, судьба подавляющего большинства русских эмигрантов, поверивших призывам советских властей и вернувшихся в СССР, была трагичной. Дмитрий Абрикосов сразу почувствовал фальшь в речах советских эмиссаров и принял решение, прямо противоположное советским ожиданиям: «Разговор с консулом оставил неприятный осадок, и я почувствовал, что Советы подбираются все ближе, и чем быстрее я уеду из Японии за океан, тем будет лучше для меня».

Последние пять лет жизни Д.И.Абрикосов провел в Пало-

Альто (Калифорния). Среди нехитрого скарба, который он привез из Японии, главными предметами была пишущая машинка и единственный экземпляр воспоминаний, который он никогда никому не давал читать. Более того, по свидетельству душеприказчика Абрикосова, адмирала Б.П.Дудорова, Дмитрий Иванович ни с кем не говорил о рукописи, и только в завещании, написанном незадолго до кончины, просил передать текст мемуаров своему двоюродному брату Павлу Николаевичу Абрикосову, жившему в Канаде. Так он отправлял свою рукопись на вечное хранение и вряд ли ожидал, что она будет опубликована всего через 13 лет после его кончины. Еще меньше Дмитрий Иванович ожидал, что она будет издана в России. И хотя эмигрантство обрело имя Д.И.Абрикосова, как и многих других наших соотечественников, на долгие годы забвения, время и усилия потомков постепенно возвращают их нам.

Вынужденная эмиграция обрела Д.И.Абрикосова, как и многих других наших соотечественников, на долгие годы трагического одиночества. Родные почти не упоминали его имени и, тем более, не поддерживали никаких связей, советские историки обходили деятельность императорского посольства в Японии после 1917 г. полным молчанием. «Трава забвения» грозила полностью уничтожить память о многих россиянах, окончивших свои дни в зарубежье, однако, время и усилия потомков постепенно возвращают нам их имена, дела и рукописи.

Дмитрий Абрикосов принадлежал к той многочисленной плеяде российских дипломатов, которые вершили «большую политику» непосредственно на местах. Далекие от интриг и хитросплетений столичного мира, они своей деятельностью и самим образом жизни и мысли непосредственно влияли на формирование представлений о России и россиянах в странах и городах пребывания. Мемуары Д.И.Абрикосова - литературный памятник всем тем, кто сохранял верность России, понимая, что возврата к прошлому никогда не будет.

* Кантоское землетрясение произошло 1 сентября 1923 г. Были разрушены многие районы Токио. В результате пожаров и разрушений погибли более 100 тыс. человек.